

ную швейную машинку. Вот это все, что он привез. Поехали дальше, но немцы шли по пятам, и он только успел довести нас до деревни Анастасьевка Льговского района Курской области. Они с братом были вынуждены верхом поскакать дальше, а мы остались в Анаста — сьевке, затем вернулись в село Кремяное к его старшей сестре.

Из детей я была старшей. Сестра отца была уже немолодой. Мать беременная и больная. Поэтому вся тяжесть семейных забот, можно сказать, легла на мои плечи. Нужно было добыть, чем топить печь, чем кормить корову. У тети была корова, поэтому ввиду того, что вся работа была на мне — пришлось надеть лапти, чтобы можно было работать. В начале тетка нашла лапти на одну ногу — других не было. Лапти уже не носили в ту пору, но старые еще валялись. Я их одела, а потом дядя Кирюха сплел лапти по мне. Дрова добывала, ездила в лес на санках, мне шест такой сделали с крючком, из орешника крючок и вот ломала сухие ветки на деревьях и привозила их для топки, чтобы как-то прокормить семью. У меня был маленький брат сорокового года рождения. Я работала по — денно у людей, молотила, научилась молотить в семь цепов с восьми от — бивными. Меня брали всегда с охотой женщины, потому что я не «фи — лонила», а работала с душой, хотя была еще подростком. Бывало, борщ или что — то дают поесть, а кусочек хлебушка спрячу, несу братику. За кусок хлеба приходилось днями молотить просо в поле. Помню, на правой руке ноготь на большом пальце нарвал, тогда научилась левой рукой полоть. В общем, все делала, чтоб как-то прожить, перенести все трудности. Мы ходили с матерью по полям, где была молотба. Зернышек насобираешь, на самодельной мельнице намелем и вроде что — то хлеба. Огороды копали, где оставалась картошка в поле неубранная. Копали гнилушки... Голод не тетка. Хочу сказать, что много приходилось уделять внимания и другой тете, которая была младшей. Она охраняла дядин дом в Коренево. Я ходила к ней, относилась ей кое-что поесть, убирала у нее в доме, полы мыла, а в кухне был земляной пол, его мазала. В Кремяном я собирала наши листовки, которые бросали нам с самолетов. Я, бывало, выскочу на огород, туда — сюда — насобираю этих листовок. Я их носила в Коренево, отдавала матери и не знаю, кому она их отдавала, но все новости, о кото — рых наши оповещали оккупированных людей, были нам известны. Ра — ботать на немцев мне не довелось.

Помню, я пришла в Коренево, у тетки во дворе остановилась. Немцы уже отступали. Немецкая кухня и меня под ружье взяла. Повели, чтоб я наносила им котел воды. Вот я несу ведра, а сзади немец с

ружьём и, как сейчас помню, я так устала, уморилась, и до того мне было обидно, что они хозяйничают у нас, на землях нашей родины. Помню, я залезла на печку посушиться, слышу, гудит наш самолет, мы уже по звуку отличали немецкие и советские. Я лежала и молила бога, чтобы бросил бомбу на дом, чтобы убили этих немцев, которые у нас были с этой кухней. Уже о себе не думала, о своей жизни.

В деревне была открыта школа, но в школу я тоже не пошла. Мне некогда было учиться, да и не хотела я учиться у них, у немцев. Ни на какие я работы, на которые гоняли немцы, я не ходила, старалась избежать. Они не разбирали, что ты еще подросток, что ты еще не взрослый человек — им давай работай. Они даже детей вешали. Как сейчас помню, по-моему, Валя Крохин был пионер — партизан. Так его повесили на липе, прямо около дорожки, что вела от станции Коренево до поселка Коренево, повесили на шею бирку «Я — парти — зан». Он был еще ребенок, наверное, таково же возраста, как и я.

Научилась я и торф копать, резать — жизнь всему научит. В Кремяном немцев мало было. Они наездами наезжали, грабили, от — нимали продукты у людей. Помню, как — то приехали, а напротив нас жил Токарев — коммунист. Так прямо на улице били этого человека. А мать моя тоже была член партии, но никто не знал, что она партий — ная. Моя мать бежит по комнате, одна нога в валенке — другая босиком, ребенок на руках (она уже родила сестру Мусю). У тетки немцы здесь в Кремяном в хате не останавливались, она была такая завалюшка — гнилушка, такая была хата невзрачная, что они ее боя — лись, что их придушат. Там один раз только как — то видала три или два человека. День или два были и тут же удрали. Я помню, тетка спрашивает, куда ж вы едете. У нас, отвечают, маневры, а сами уди — рали только так. Помню, я пришла в Коренево к тетке, а по соседству жили, по — моему, Клягины. Девушка их их семьи работала в немец — кой комендатуре, но вся душа у нее была на стороне Советской вла — сти. Помню, пришла она и сказала: «Света, уходи, завтра будут уго — нять молодежь в Германию». На меня тетка натянула побольше одежек, я и пошла, пошла лугом, не дорогою, а пошла я мимо больницы Коре — невской, яром на Кремяное, где были моя мать и дети. Пришла я уже ночью, меня там спрятали. У тетки было много кроликов и вся хата была в кроличьих ямках. Меня, помню, спрятали в кроличью норку, под кроватью. Закрыли досками, набросали соломы туда, и я там сидела, наверное, дня три — четыре, пока прошла эта шумиха. В Ко —